

Тема автокефалии – единственная, которая требовалась для Всеправославного Собора, считает епископ Бачский Иринеи

В ходе выступления на конференции «Мировое Православие: первенство и соборность в свете православного вероучения», иерарх Сербской Православной Церкви епископ Бачский Иринеи затронул одну наиболее острых тем межправославных отношений – вопрос автокефалии.

Ваше Святейшество,
Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства,
дорогие братья и сослужители-архиереи,
всечестные отцы священники, монахи,
братья и сестры!

Считаю, что тема единства Церкви и соборности обязательно включает в себя и тему

автокефалии, потому что автокефалия как структура устройства церковного в течение веков должна быть укреплением, подтверждением соборности и единства Церкви и на новейшем этапе ее канонической организации на вселенском уровне, на деле же она стала стеной соблазна и камнем преткновения. Вместо того, чтобы служить делу укрепления веры, росту тела Церкви Вселенской Православной и, прежде всего, пастырскому сотериологическому попечению о спасении душ всех верующих, тема автокефалии, к сожалению, сегодня употребляется как орудие и средство для разрушения единства Церкви с тенденцией редефиниции, ревизии православной эkkлезиологии таким образом, что канонический беспорядок и анархия, вмешательство и вторжение на каноническую территорию других Поместных Православных Церквей получают жалкое квази-богословское объяснение и оправдание. Пастырский аспект и сотериологическая перспектива деятельности Церкви в мире становятся уже неважными и даже игнорируются.

Все это мы видим в наши дни на печальном примере поведения Константинопольского Патриархата – нашей Матери-Церкви, к сожалению, забывшей, что означают настоящая материнская забота и любовь.

Если рассматривать церковную автокефалию в исторической перспективе, в контексте всех событий истории Церкви, то можно найти разные определения и теории относительно того, что такое автокефалия, каковы ее предпосылки, условия для ее получения и предоставления и т.д. Сто лет назад знаменитый Сергей Александрович Троицкий, которого я считаю одинаково и русским, и сербским богословом, написал о сегодняшней ситуации на украинской земле так, словно сам был ее свидетелем. И так же, как и преподобный Софроний (Сахаров), он высказывал свои глубочайшие опасения относительно действий и теорий, которые возникли уже столетие назад в Константинополе, и которые, к сожалению, сегодня оправдываются самыми известными богословами Константинопольской Церкви.

Из известных различных определений и описаний понятия автокефалии вывод очень простой: автокефалия – это право епископов одной церковной области иметь собственный самостоятельный и независимый Архиерейский Собор, выбирать себе Предстоятеля, избрание которого в дальнейшем не подлежит никакому подтверждению или согласию со стороны другого, высшего церковного центра, а принимается автоматически всеми Православными Церквями. Все остальные элементы или аспекты автокефалии второстепенны: не так важно, кто кого поминает, варят ли святое миро самостоятельно или же получают его из Константинополя – все это детали, которые не выражают по существу понятие автокефалии.

В этом смысле автокефалия, особенно из-за глубочайшего ее кризиса, который в целом можно вывести из кризиса церковной практики сегодня, возможно, должна была стать единственной темой Критского собора. По предложению и требованию Русской и Сербской Поместных Церквей

эта тема была обязательной для Собора. Я даже скажу, что это была единственная тема, которая требовалась для Всеправославного Собора. В Соборе никогда не было чего-то похожего на научные или богословские конференции – соборно всегда рассматривались проблемы, особенно ереси или канонические преступления, которые угрожали единству Церкви.

К сожалению, уже на первых шагах подготовки Критского собора, в 60-х годах прошлого столетия, был составлен каталог, включавший в себя 105 разных тем, что слишком много даже для конференции. И только в самом конце перечислялись несколько тем, которые более-менее касались тех вызовов, испытаний и искушений, с которыми сталкивается Вселенское Православие.

Над вопросом автокефалии, как и над вопросом церковной автономии, работали два или три десятилетия на Всеправославных предсоборных совещаниях и конференциях, по завершении которых принимался всеправославный текст, который, к сожалению, только имел одну точку противостояния – способ подписания общепринятого документа (томоса – прим.). И когда в Шамбези на предварительных заседаниях мы, в первую очередь, затронули тему автокефалии, председательствующий холодно и резко нам сказал, что и так было потеряно много времени на другие темы (хотя те были порой не так уж важны), а для темы автокефалии нет времени, и ее не будет на повестке дня. И, как правильно отметил Святейший Патриарх Кирилл, может быть и так (я не могу этого утверждать), что данная тема была преднамеренно снята с повестки дня. Потому что если бы то, что было сделано в течение десятилетий, Собор усвоил как общеправославную позицию по автокефалии, это могло бы воспрепятствовать трагическим событиям, последовавшим за антиканоническим вторжением Константинополя в вопросы внутренней жизни Русской Православной Церкви на украинской земле.

Понятие автокефалии в течение веков имело свое развитие. Как известно, в апостольскую эпоху каждая местная Церковь являлась полной кафолической Церковью, то есть присутствием всей кафолической Церкви в одной местности и в одном времени как полноты благодати Духа Святого в общении епископа, клира или духовенства, мирян, верующего Божьего народа.

Из-за практических соображений с развитием Церкви и ее миссии в мире оказалось нужным организовать так называемую митрополитанскую систему. В эпоху Вселенских Соборов, особенно до IV Вселенского Собора, в Римской империи насчитывалось более ста автокефальных митрополий. Но существовали митрополии и вне ее границ, и это очень важно иметь в виду: некоторые Церкви, находившиеся вне границ Византийской или РOMEЙСКОЙ империи, были даже старше Константинопольской Церкви.

Впоследствии развивается система, предполагающая, что несколько епархий входят в состав

одной митрополии, а несколько митрополий образуют более широкое объединение – экзархию. На IV Вселенском Соборе упоминается так называемый экзарх диоцеза – по некоторым толкованиям, это сам Константинопольский Патриарх, но мне не кажется это вероятным. Я принимаю мнение тех, которые считают, что экзарх диоцеза был Предстоятелем очень широкой церковной структуры.

На IV Вселенском Соборе и после него окончательно утверждается патриаршеская система с автокефалиями, которая подразумевала пентархию (пять апостольских древних Церквей) и другие Церкви, например, Армянскую, Грузинскую, которые были вне границ или частично в границах империи, и жили и развивались без пентархии.

Судьба этой системы церковной структуры и организации резко изменилась с крушением Константинополя, когда Османская империя стала невольной преемницей павшей Византии. Даже султан в числе многих своих титулов именовался также и Ромейским императором, считая себя его законным преемником. И в этом качестве он, исходя из своих мусульманских убеждений, дал Константинопольскому Патриарху такие права и полномочия, которые тот не имел в Ромейской христианской империи. Константинопольский Патриарх стал так называемым этнархом (миллет-баши), который имел не только духовное попечение о православных в Османской империи, но и политическую власть над ними, мог даже собирать налоги для султана без непосредственного участия турецких властей и чиновников.

Так что уже в те времена зарождаются некоторые из идей, получившие в XX столетии развитие, о котором мы упоминали. Это заключение можно сделать, в том числе, на основании истории с томосами, которые Константинополь выдавал автокефальным Церквам, или ситуации с признанием автокефального статуса Грузинской Церкви – ведь нельзя было сказать, что автокефалии у нее никогда не было, тем не менее, были найдены формулировки, чтобы не упоминать о том, что речь не о даровании автокефального статуса, а только о подтверждении данной Антиохийской Церковью автокефалии.

В период XV-XVI веков, когда Русская Православная Церковь получает автокефалию, прослеживается возрастание идеи, что Константинополь владеет темой автокефалии и единолично и самовластно решает, какого объема будет каждая автокефалия и в какой форме ее предоставлять. В этом смысле Константинопольский Патриархат впоследствии все больше и больше ограничивает автокефалии. Можно сказать, что автокефалия, полученная Русской Церковью, являлась полноценной, настоящей, подлинной. Похожи на нее автокефалия Сербской и Болгарской Церквей и некоторые другие, например, Румынской Церкви. Некоторые последующие уже очень ограничены, и со временем доходит до так называемой «автокефалии» ПЦУ – церкви (а лучше сказать, лже-церкви), где вообще нет никакой автокефалии.

Ряд выдающихся богословов в греческом мире (и некоторые из них – мои друзья с молодых лет) придерживаются очень странной идеи, заявляя, что будто бы только от доброй воли Константинопольских Патриархов (либо, наоборот, ее отсутствия) зависит, будет или не будет предоставлена кому-то автокефалия. Один из таких богословов, к моему сожалению и огорчению, заявил, что огромной ошибкой Константинополя было дать, как он позволил себе выразиться, «ордам русских», «массам дикарей» автокефалию. Однако он полностью пренебрегает тем фактом, что данная автокефалия (вначале неофициальная, но фактическая, жизненная) стала вынужденным ответом на то, что Константинополь в то время был униатской Церковью: [в Москве поддержавшего унию митрополита] Исидора просто выгнали и никаких униатских программ не приняли.

Что-то похожее было и с сербской автокефалией в XIII веке: тогда было латинское царство в Константинополе, в эмиграции в Никее и других местах были останки Византии, Патриарх Константинопольский был в изгнании. А Сербия уже в тот момент находилась (и до сих пор остается) на границе западного римского и восточного римского мира. Католическое присутствие и прозелитизм сильно ощущались – даже родной брат святого Саввы в Черногории был католиком. Святитель Савва должен был крепить Православие на своей земле – это не было восстанием против существовавшего порядка, в чем его обвиняли и до сих пор некоторые обвиняют, но просто борьбой за Православие, что является одним из основных аспектов жизни и задачей автокефальной Церкви.

Затем проходит эпоха османской власти – больше нет не только Византии, но и Османской империи, Константинополь – больше не «город царя, сената и синклита», не город султана и пентарха – Константинопольского Патриарха. Это даже не столица Турции, а большой, но все-таки не первенствующий город. За прошедшие столетия уже появились новые автокефалии – не всегда добровольные, а порой вынужденные обстоятельствами. И в этом новом времени насколько меньше власти становится у Константинопольского Патриархата: он не только потерял власть над всеми странами и Церквами, которые были в его ведении в турецкое время (как известно, тогда Константинопольская Патриархия просто поглотила силой и болгарскую Тырновскую, и сербскую Печскую, и другие юрисдикции; остались только те юрисдикции, которые были вне границ Османской империи – например, наша Карловацкая митрополия и Патриархия, известная русским потому, что Сремски Карловцы были центром русской зарубежной жизни и т.д.). Константинополь остается без большинства своей паствы на собственной исконной территории в Малой Азии, и при этом очень сильно проявляются неопапистские теории, известные уже со времен Мелетия (Метаксакиса), потом Афинагора и особенно, к сожалению, в наши дни.

В этом смысле при рассмотрении практики предоставления всяких типов и форм автокефалии, [следует] различать полную, настоящую от неполной, ущербной, частичной и условной автокефалии. Примером тому – Элладская Церковь в Греции. Она не получила полной автокефалии и не имеет ее до сих пор: она выбирает свой Собор, но Предстоятеля не выбирает. Предстоятеля нет в Афинах – есть только Священный Синод, который имеет председателя, но нет Предстоятеля Церкви. Это напоминает ситуацию в России эпохи Петра Великого, когда не было Патриарха – только Синод и обер-прокурор. Дальнейшие шаги в этом направлении – это видимая, фиктивная, по сути, несуществующая автокефалия – как [описанная в данном Константинополе томосе] ограниченная автокефалия Церкви Чешских земель и Словакии и некоторые другие автокефалии.

Но «автокефалия», данная украинским раскольникам – это вообще не автокефалия и даже не автономия. Те права, та свобода, которыми пользуется, например, Украинская Православная Церковь как автономная и самоуправляемая Церковь в рамках Русской Православной Церкви, или какие наша Сербская Церковь давала в свое время раскольникам Северной Македонии (они приняли предложенное, потом отказались принять), – это гораздо глубже, шире и серьезнее, чем та будто бы автокефалия, что была дана раскольникам. В данном им «томосе» не только предполагаются многочисленные ограничения – там прямо говорится, что они своей властью, начальством, главой должны считать Константинопольского Патриарха. Особенно жаль, что в этом «томосе» уже не упоминается Господь Христос как Глава Церкви, как в более ранних томосах, и говорится о том, что Константинопольский Патриарх является на земле главой Церкви. Конечно, это совершенно неприемлемо и недопустимо для православной совести и означает ревизию Евангелия, ревизию Нового Завета.

Я спрашиваю себя самого и вас, Ваше Святейшество, дорогие отцы и братья: что делать сегодня, чтобы найти выход из этого глубочайшего кризиса, который и [обусловлен] геополитическими факторами, внешним давлением и даже совершенно открытым, непосредственным вмешательством представителей западных сил, особенно самой большой западной силы, и также имеет свои внутренние очаги, внутренние корни? Это не только действия Константинопольского Патриарха – они просто являются воплощением тенденции, которая, к сожалению, развивается в рамках новой теории неопапизма.

Выход вижу, с одной стороны, в том, чтобы освободиться, по возможности полностью, от любого внешнего влияния и давления. Нам всем известно, что не только украинская власть [оказывала давление] в то время, когда раскольники были признаны автоматически, одним росчерком пера, не только настоящими иерархами (чего не было и нет до сих пор), но сразу же автокефалией – это беспрецедентное явление в истории Церкви. Всякого влияния властей – и внутреннего, и внешнего, в том числе в условиях давления, надо стойко избегать, сопротивляться ему, пример

чему показала Русская Православная Церковь в течение 70-летнего советского периода своей истории: они никогда не поклонилась другому царю, кроме Царя Небесного, и никакому государю, кроме Господа. И это пример для нас всех. Думаю, что это случалось и в других Церквях, но не в такой острой форме.

Что еще надо делать – считаю это делом и смыслом настоящей конференции, – развивать здоровые, истинно православные, святоотеческие понятия и идеи об автокефалии, соборности и первенстве (это триптих, органически связанный между собой), в отличие от внутренней идеологизации, абсолютизации, которую создает Константинополь, некой внутренней секуляризации понятия автокефалии и вообще потери подлинного церковного самосознания, без которого мы не можем идти вперед.

Считаю, что сложившаяся ситуация очень трагическая и опасная, но я уверен, что как в день Пятидесятницы, так и через всю церковную историю Дух Святой руководит в Церкви. Спаситель нас убеждает, что *врата ада не одолеют ее*, и я уверен, что найдется какое-то решение. Потому что если этот раскол продлится слишком надолго, к сожалению, будет неизбежен новый раскол наподобие того, что был в XI столетии, и вина будет на тех, кто его вызвал.

Дай Бог, чтобы такого не было, чтобы со временем ситуация уврачевалась каким-то образом, и до этих дней дожили в том числе люди, уже достигшие определенного возраста.